

Общество в каждом государстве - это благословение, но правительство, даже в лучшем государстве всего лишь необходимое зло; в худшем государстве оно невыносимо: потому что, когда мы страдаем или подвергаемся тем же самым страданиям ПРАВИТЕЛЬСТВОМ, которые мы можем ожидать в стране БЕЗ ПРАВИТЕЛЬСТВА, наше бедствие усиливается, отражая то, что мы предоставляем средства, от которых мы страдаем. Правительство, как платье, знак утраченной невинности; дворцы королей построены на развалинах райских беседок.

Если бы импульсы совести были ясными, единообразными и непреодолимо подчиняющими, человеку не нужны были бы никакие другие законодатели; но поскольку это не так, он считает необходимым отдать часть своего имущества, чтобы предоставить средства для защиты остального; это побуждает его делать то же самое благоразумие, которое в другом случае советует ему из двух зол выбирать меньшее. Поэтому безопасность является истинным и конечным предназначением правительства, из чего неоспоримо следует, что та его форма, которая обеспечивает нам безопасность за наименьшую стоимость и с наибольшей выгодой, предпочтительней любых других.

Индиана Грэхэм откинулся на потрепанном, изношенном кресле, глядя на еще более изношенную старомодную печатную книгу, и его глаза горели. Это был не первый раз, не второй, и даже не сотый, когда он открыл "Великих мыслителей политической свободы" Юмашева, и он не будет последним. Он еще помнил, как первый раз его отец дал ему копию "Здорового смысла". Ему было только - одиннадцать? - в то время. Что-то вроде того. И ее архаичный язык - стандартный английский язык сильно изменился за последние пару тысяч Т-лет - это был вызов, даже с хорошей программой-словарем. Но он упорствовал, отчасти потому, что знал, что это важно для его отца, и отчасти потому, что он уже приобрел интерес своего отца к истории, хотя это никогда не было страстью, как для Брюса Грэхэма до последних нескольких лет.

Конечно, за последние несколько лет многое изменилось.

Он поморщился от этой мысли и закрыл книгу. Затем он осторожно выбрался из своего кресла, опасаясь его возрастающей старости, и перешел к книжному шкафу в маленькой спальне пустой маленькой квартиры. Он засунул толстый том (его пластиковые страницы были тонкими, но Томас Пейн не был единственным подрывным лицом, населявшим том Юмашева) на его место и постоял, на мгновение глядя на него.

Учитывая его содержание, вероятно, не было прекрасной идеей оставить его на виду. С другой стороны, легавые вряд ли увидели бы его, кроме случая, если бы они пришли по доносу, и в этом случае было бы неважно, насколько тщательно он пытался скрыть ее. Вообще то маловероятно, что типичный агент Полиции Безопасности Системы Серафим будет иметь малейшую проклятую идею о том, кто были Томас Пейн, Жан-Жак Руссо, Джон Локк, Томас Джефферсон, Эдмунд Берк, Ханна Арендт, Джудит Шкляр, Иеремия Тованда или Генриетта МакИнтайр. Зная общий уровень навыков чтения в ПБСС, он вероятно не смог бы прочесть названий на обложках книг.

Он не был уверен, что Андерсон Блай, министр образования системы Серафим, официально запретил Пейна. Министерство Образования, которое при администрации МакКриди также служило пропагандистским бюро Серафима и полицией мыслей в целом, не имело привычки перечислять имена запрещенных авторов. Те, кто попадал под неудовольствие Блая или президента МакКриди, просто исчезали из каталогов книжных магазинов без суеты или фанфар.

В конце концов, если бы они сказали своим гражданам, кто был запрещен, они также указали бы гражданам, которые могут испытывать недовольство, на тех писателей, которых они больше всего хотели заставить замолчать. Хотя он знал, что и Джефферсон и Шкляр были в последнем списке, который Фрида Симмонс, помощник главного библиотекаря в главном отделении Публичной библиотеки Херувима, показала ему. И если Пейн еще не был добавлен в список, это могло произойти только потому, что никто из аппаратчиков Минобразования никогда не слышал о нем. Как только кто-нибудь из них услышит, он там будет. Если кто-то будет запрещен правительством системы Серафим как опасный разбойник, это будет, безусловно, Пейн.

И вряд ли он первый раз удостаивался этой чести за прошедшие века.

Инди остановился и провел кончиком пальца по обложкам книг, делящих компанию с "Великими мыслителями политической свободы." Возможно, четверть из них были его отца, все, что ему удалось спасти от библиотеки старшего Грэхэма, после того, как легавые выбросили их в тот день, когда его арестовали. У него было меньше получаса, чтобы спасти их перед тем, как его сестру, его мать, и его самого выбросили на улицу.

Оказалось, Брюс Грэхем, несмотря на то, что, как Инди помнил, сделал все выплаты по крайней мере за две недели до того, более года задолжал с выплатой по ипотеке ... согласно долговым книгам. И поскольку легавые аннулировали его банковские счета и стерли его банковские записи, Треиси Грэхем не смогла доказать обратное. Не то чтобы имело значение, если бы могла. Владелец долга, первый народный банк Херувима, принадлежал другу министра экономики Триша Мэнселла, поэтому долговая книга должна была сказать то, что, по мнению Мэнселла, следует сказать. Кроме того, когда Тиллман О'Салливан и ПБСС решали превратить кого-то в "учебный момент", они не церемонились.

Остальная часть содержимого его книжной полки пришла от Фриды. Технически, все они были украдены, но с этим было все в порядке. Фактически, он был частью того, что Фрида называла своими "неофициальными складами". Когда-то давно, до того, как система Серафим была поглощена Крестор Интерстеллар и Мендосой Кордовы, когда она обладала правительством, которое действительно могло быть смещено голосованием, его библиотечная система была чрезвычайно хорошо снабжена для таких галактических задворков. И не только электронными копиями. Историческая коллекция главной библиотеки здесь, в столице, по-прежнему содержала бесценные печатные копии из ранних поселений Серафима и удивительное число из других звездных систем, некоторые из довольно далеких. Бог знает, как они оказались в Серафиме из всех этих проклятых мест, но они были здесь.

Многие из этих документов больше не были доступны для публики, поскольку в них содержались такие вещи, которые правительство отвергло, но они все еще были там. Пока что, по крайней мере. И еще были тысячи печатных томов - таких как "Великие мыслители политической свободы", хотя некоторые из них были наполнены неприемлемыми понятиями - на полках.

Их было меньше, чем раньше, потому что печатные копии были более уязвимыми, чем электронные. Когда министерство образования решило, что что-то нуждается в запрете, его агенты прошли по каталогам каждой библиотеки на планете, и осужденные книги быстро нашли свой путь в мусорные бункеры. Еще проще было очистить электронные базы данных библиотек, но и таким людям, как Фрида, было проще тайно скопировать электронные книги и спрятать их в очень маленьких, очень хорошо скрытых местах до того, как Минбразование

добралось до них. Фотоны пакуются плотнее, чем печатные страницы, и она могла носить целую библиотеку в своем кармане.

Однако, в дополнение к грабежам Минобразования коллекция книг в твердом переплете библиотеки также была уменьшена решимостью Фриды сохранить как можно больше книг, находящихся под угрозой. Она, Брюс и Трейси Грэхэм были друзьями со школы, и Инди вспоминал, как сидит с горячим шоколадом, слушая, а Брюс и Фрида обсуждают историю, политику и то, как Серафим соскользнул в глотку Соларианского питона. Поэтому он был естественным выбором, когда Фрида начала искать хранилища для своих любимых книг.

Он фыркнул от этой мысли, затем посмотрел на мигающий унилинк на запястье и пробормотал проклятие. Он опаздывал на десять минут. Если бы он не спохватился, он бы пропустил обед с Маккензи. Это никогда не было хорошей идеей ... а особенно сегодня.

Он похлопал книжный шкаф дружеской рукой собственника и направился к двери.

Папа бы обиделся, если бы знал о Фриде и мне, подумал он с улыбкой, смешивающей горечь и веселье, когда он спускался по узкой лестнице (лифт не работал более шести недель) через миазмы приготовления пищи, гниющего мусора и других лучше-оставить-неопределенными запахов. Последнее, что он хотел бы, это чтобы я сидел здесь с книжным шкафом, полным подрывных книг! Но уже поздно. Если он не хочет, чтобы я читал их - и думал о них - он сначала не должен был знакомить меня с ними.

Он добрался до улицы, когда один из столичных потрепанных, но пунктуальных трамваев появился ввиду. Он поднялся, поднес приемопередатчик унилинка к сканеру и нашел место, когда трамвай загрохотал дальше.

Иногда он размышлял, решил бы отец не знакомить его с Пейном и со всеми авторами, которых он читал, если бы он знал, что будет. Наверное, да. Брюс Грэхэм любил своих детей, и эта любовь была причиной того, что он привел Инди и Маккензи на запретную интеллектуальную территорию. Он решил, что они вырастут, зная то, о чем образовательная система Серафима, специально разработанная, мешала им думать, потому что он хотел, чтобы они были более чем хорошими маленькими илотами, послушными своим корпоративным хозяевам. Но это было до его собственного ареста и тюремного заключения в тюрьме Террабор, а он отчаянно хотел защитить их. В эти дни его любовь выражалась в почти отчаянной решимости сохранить Индиану и Маккензи - и особенно - Трейси от той же мрачной, серой тюрьмы.

Инди почувствовал, как его глаза снова горели, и его кулак сжался на подлокотнике своего кресла, когда он смотрел в открытое окно трамвая на проходящую улицу. Малиновки (которые очень мало напоминали оригинал Старой Земли) радостно болтали друг с другом на ветвях деревьев и на выступах зданий. Это был теплый день позднего лета - когда он был мальчиком такие дни его семья проводила на пляже, впитывая солнце пока осень не положит конец таким поездкам. Но вместо однодневной поездки на океан он провел вчерашний день в Терраборе, для одночасового, раз в месяц, свидания с отцом, разрешенного легавыми, и он чувствовал, что его губы белеют, когда Брюс Грэхэм ковыляет в кабину с другой стороны толстого кристопласта.

Его отцу было всего пятьдесят лет, но он двигался, как человек вдвое старше ... и без пролонга. Его левая рука была на перевязи, а на правой стороне лица были уродливые синяки. Яркий оранжевый тюремный комбинезон помешал Инди увидеть что-нибудь еще, но, просто

наблюдая, как идет его отец, он знал, что бы он видел без этой маскировки.

Ему не надо было спрашивать, что случилось. Это было не первое избиение Брюса Грэхэма с момента его ареста, хотя на этот раз все выглядело хуже, чем раньше. Кроме того, если бы Инди спросил его, Брюс просто ответил бы одним из двух приемлемых ответов: "Я упал," или "Я оказался между двумя другими заключенными, которые не очень любят друг друга".

И потом он посмотрел бы на Инди Взглядом. Это был бы Взгляд, который сказал бы: "не дергайся". Взгляд, в котором говорилось "пройдет". И Взгляд, который сказал бы прежде всего "не делай глупостей".

Инди вырос привычный к этому Взгляду. Он точно знал, что это значит, почему он это видит. В их последнем разговоре перед приговором Брюс сказал - приказал, умолял Инди - держаться как можно дальше от всего, что могло бы привлечь внимание легавых. Было время, когда Брюс Грэхэм считал, что можно скопить небольшой капитал, создать свой собственный маленький бизнес - даже на Серафиме - и надеяться построить лучшее будущее. Даже постепенно отвоевать немного политической свободы, которую Жаклин МакКриди и ее трансзвездные хозяева украли у граждан Серафима. Но он учился быстро, и если он мог бы рискнуть собой, он не желал рисковать своим сыном и дочерью. А за детьми осужденного "врага народа" тщательно наблюдала ПБСС.

И поскольку Инди знал, как отец любил его, он обещал, что никто во всей системе не может быть более аполитичным, чем он собирался стать. Это было не просто из-за микрофонов легавых, которые, как он знал, записывали разговор. Это было для отца, которого он любил так же сильно, как Брюс любил его ... но он не собирался делать это. Не собирался тогда и не собирался теперь. Были некоторые вещи, которые он просто не мог делать, даже для своего отца, и сдержать это обещание было одной из них.

Однако он пытался. Он действительно пытался, главным образом потому, что его мать тоже попросила его. Но он уже знал, что ему это не удастся - не в долгосрочной перспективе.

* * *

Трамвай наконец-то дотащился до пункта назначения Инди, и он сошел, повернув налево, чтобы пройти два оставшихся квартала в "Суповую ложку". Это был небольшой семейный ресторан, который каким-то образом сумел держать открытым свои двери, и, если ему не хватало чего-то в обстановке, качество еды более чем компенсировало это.

"Инди!" - позвала его Алектa Йерман, когда за ним закрылась дверь. "Ты опоздал! Мак здесь почти двадцать минут."

"Не обманывай меня, Наак," - сказал он, используя детское имя, которым приемные родители наделили ее, когда ей было всего восемь. "Я почти точно вовремя, а моя сестра никогда в жизни не приходила раньше времени! Она может быть здесь самое большее пять минут. И это еще много."

"Ну, может быть, это просто кажется дольше, когда ты ждешь одного из самых любимых клиентов." Алектa поднялась на носки, чтобы чмокнуть его в щеку. "Проходи. Она заняла ваш обычный стол. Я скоро приму ваш заказ."

"Спасибо." Инди быстро, одной рукой обнял ее и пробрался сквозь переполненную переднюю столовую к угловому столику в маленькой задней комнате.

Когда он вышел из арки, молодая женщина, ожидающая его, оторвалась от книжного ридера с недовольным выражением лица. Она была похожа на Инди, что не удивительно, и она провела последние двадцать с лишним лет, воспитывая своего старшего брата.

"Ты опоздал," - заметила она, и он усмехнулся.

"Не очень. Кроме того, если бы я пришел раньше, тебе было бы не на что жаловаться. Подумай, как бы ты это ненавидела!"

Суровое выражение Маккензи Грэхэм дрогнуло, несмотря на все ее усилия, и ее глаза блеснули, когда она покачала головой и указала на слегка неустойчивое кресло на другой стороне стола.

"Садись," - скомандовала она, и Инди повиновался с подходящим кротким выражением, которое не обманывало никого из них.

Маккензи была лучше одета, чем ее брат, что было необходимо, учитывая ее работу. Однако, это был строгий гардероб, без ярких цветов, предпочтение которым отдавал занимающийся другого рода деятельностью Инди.

Трейси Грэхэм покинула Херувим несколько лет назад. Жена врага народа была совершенно безработной и автоматически лишалась любой формы государственной помощи. Ей повезло, что ее сестра и зять владели семейной фермой после смерти ее родителей. По крайней мере, у нее была крыша над головой и еда на столе, и это было больше, чем у многих серафимов. И хотя ей было намного сложнее совершать свой ежемесячный визит в Террабор из деревни, ее самоизгнание из столицы также оставило ее вне видимости легавых.

Кроме того, ПБСС не очень заботился о людях, скрывающихся в сельской местности. Все "враги народа" и "подрывные элементы", беспокоившие ПБСС, жили в городах. Это было немного недальновидно, если подумать об этом.

Трейси была бы счастливее, если бы к ней присоединились Инди и Маккензи, но она отказалась от попытки убедить их. Отчасти потому, что она знала, насколько они упрямы, но больше потому, подозревал Инди, что она догадывалась, что они задумали. Они оба старались держать ее в стороне от всего, что могло бы привлечь к ней внимание властей, но она была очень умной женщиной ... и она была женщиной, которая вышла замуж за Брюса Грэхэма. Как бы она ни боялась, она была на их стороне, она понимала, что есть некоторые линии, некоторые принципы, которые просто невозможно оставить без борьбы.

Это была настоящая причина, по которой Инди и Маккензи оставались в столице. И это было также причиной того, что Инди стал уличным разносчиком. Это была не та профессия, которую Брюс Грэхэм хотел для своих детей, но это была одна из немногих, открытых для сына осужденного преступника, и она хорошо подходила для ... других целей.

С другой стороны, Маккензи избежала худших последствий официального недовольства, потому что она была высококвалифицированным специалистом информационных технологий. Это было слишком редкой профессией на Серафиме чтобы кого-нибудь заботила криминальная

история ее отца. Еще лучше, с точки зрения властей, было то, что треть ее клиентов были дочерними компаниями одной из корпораций, фактически владевших системой Серафима, а большинство других двух третей были "независимыми", которые фактически были прикрытиями для бюрократов Крестора или Мендосы, их приятелями-олигархами, или аппаратчиками администрации МакКриди. Еще одно, что было справедливо также для ее отца - и возможно для брата - Маккензи хорошо учила свои уроки.

Инди, однако, был уличным торговцем, одним из квази-законных, не совсем незаконных брокеров серого рынка. Почти все было доступно через серый рынок, если вы знали правильного человека и имели достаточно денег или что-то достаточно ценное для обмена.

По многим причинам МакКриди, О'Салливан и Хелена Хашимото хотели бы закрыть серый рынок. К сожалению, он стал неотъемлемой частью экономики Серафима. Его закрытие могло бы уменьшить на несколько саникредитов банковские счета корпораций и содержимое карманов их друзей, но это также могло стать последней соломинкой для серафимиан вообще. Как бы то ни было, власти были счастливы видеть маргинальные элементы, такие как Инди Грэхем, которые знали, что лед под ногами всегда был тонким, исполняющими эту роль, поскольку они должны были знать, что с ними произойдет, если они когда-нибудь выйдут из границ или будут раздражать элиту.

Это не было очень выгодно, хотя Инди зарабатывал больше, чем думала налоговая служба. Это было не так сложно для уличного торговца, особенно с сестрой, знавшей компьютеры лучше, чем девяносто процентов так называемых ИТ-экспертов правительства.

Это тоже было одной из причин того, что его нынешняя профессия так хорошо подходила для его истинных целей.

"Ты уже сделала заказ?" - спросил он, и Маккензи покачала головой.

"Учитывая, что я ждала тебя и что твое чувство времени, как у бесчувственной скалы, я решила подождать, пока не увижу белки твоих глаз. Таким образом, моя тарелка не была бы пустой или замороженной до того момента, когда ты будешь здесь."

"Ты снова очерняешь мой характер без малейшего свидетельства, поддерживающего твои необоснованные обвинения."

"В самом деле?" - Маккензи наклонила голову, любуясь им с задумчивым выражением.

"Можете быть ты и прав. Почему бы нам не спросить мнения Алекты? Или, может быть, мы могли бы просить тайского дедушку поделиться своими наблюдениями? Знаешь, он вернулся на кухню сегодня днем."

"Нет, нет!" - произнес Инди возвышенно. "Нет необходимости втягивать их. Я слишком осторожен, чтобы навязывать им это."

"Да, конечно," - Маккензи закатила глаза, и Инди засмеялся. Но затем он положил старомодное печатное меню, сложил на нем руки, и когда он посмотрел на нее через стол, в его глазах не было никакого юмора.

"Вчера я видел папу. Он выглядел так, будто его переехал грузовик."

Глаза Маккензи потемнели, ее лицо затвердело.

"Что случилось?" - спросила она.

"Ты думаешь, я ждал, что он скажет мне это в кабине для посетителей в Терраборе?" - Инди покачал головой. "Кроме того, мне это и не нужно. Это было хуже всего прежнего, Мак. Я не знаю, сколько еще он может выдержать."

"Проклятье." - одно слово прозвучало от молодой женщины, которая редко ругалась. Ее глаза упали в свое меню, но они ничего не видели. Они смотрели на что-то еще, что-то далекое, и они были полны горечи.

"Я думаю, пришло время, Кензи," - сказал он мягко. "Мама в безопасности с тетей Сарой и дядей Тадом, а папа уже в тюрьме. Насколько может быть хуже?"

"Ты прекрасно знаешь, насколько это может быть хуже," - ответила она, подняв глаза к его лицу. "И ты точно знаешь, что сказал бы папа, если бы он подумал, что мы думаем о чем-то подобном."

"Папа не в том положении, чтобы что-то сказать нам," - горько сказал Инди. "И не будет по крайней мере еще тридцать пять лет, если предположить, что он проживет так долго. Ты знаешь, насколько это вероятно в Терраборе."

"Поэтому ты хочешь выступить? Освободить папу?"

"Ты знаешь, что есть еще что-то большее. Я не буду притворяться, что то, что увидел его вчера, я понимаю, как сильно они избили его снова, не является фактором в моем мышлении, но там всегда было что-то большее, чем это. И мы не создавали ячейки, чтобы просто дать им сидеть на месте."

Маккензи прикусила губу. Ей хотелось поспорить с ним - она всегда была осторожной, той, кто проводил много времени, вытаскивая Инди из одной неприятности за другой, несмотря на разницу в их возрасте, насколько она помнила, - но она не могла. Она знала, с чего он начинал, и она была с ним на каждом шагу. И она действительно соглашалась с ним. Соглашалась с ним абсолютно. Это просто был такой важный шаг, от простой организации чего-то ... к более активным действиям.

"Ты знаешь, что случится со всеми нами, если легавые поймут, что происходит," - сказала она. "Ты действительно готов к этому?"

"Я не хочу быть слишком драматичным, Кензи, но помнишь, что Джефферсон сказал о "древе свободы". "Я не хочу проливать больше крови, чем нужно, - даже крови тирана, а тем более патриота, - но невозможно покончить с этим другим путем. А потом есть Берк. Ты знаешь, как папа всегда любил его."

"Единственное, что необходимо для торжества зла - чтобы хорошие люди ничего не делали," - тихо процитировала Маккензи, и Инди кивнул.

"Я больше не могу ничего не делать, Кензи. Я просто не могу. И ты тоже не можешь, так ведь?"

Она смотрела на свое меню еще пятнадцать или двадцать секунд, затем повернулась к нему и покачала головой.

"Нет, Инди," - сказала она очень, очень тихо. "Не могу".

<http://tl.rulate.ru/book/10132/279975>